

English version: [Shamne A.V. Socio-psychological features of modern adolescence \(based on the results of focus group interviews with teachers\)](#)

Институт психологии имени Г.С.Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Обсуждаются результаты проведения фокус-групп с учителями, в процессе которых они сравнивали социально-психологические особенности когорты подростков 70–80-х гг. XX века и современного поколения подростков (в контексте социокультурных и социально-экономических трансформаций на Украине). Контент-анализ и обобщение ответов учителей позволили выделить и описать семь категорий позитивных и семь – негативных характеристик современного отрочества. Анализируется феномен «множественного видения» и альтернативности (вариативности) психосоциального развития в период отрочества. Подчеркивается необходимость изучения характеристик продуктивного и непродуктивного типов взросления.

Ключевые слова: отрочество (12–18 лет), подростковый возраст, метод фокус-групп, контент-анализ, психология поколений, когорты, социально-психологические особенности, альтернативность взросления

Радикализм трансформаций культурной и экономической систем, институциональных и ценностно-нормативных изменений в современном мире все чаще приводит к пониманию того, что человечество эволюционирует, а все мы есть результат и предпосылки психоисторического процесса.

Психологи и социологи, обращаясь к проблеме психоисторических изменений в психологии людей, в качестве новых характеристик современного человека называют: потерю физиологической и психической устойчивости, специализацию в профессиональной сфере, индивидуализацию и угасание коллективистских чувств, плюрализацию мировоззрения, нестабильность, индивидуалистические ценности, дискурсивную гетерогенность, изменения ментальности, независимость представлений о своем «Я», стремление и готовность к самореализации (самоосуществлению), проявления персональной идентичности как само моделирования, психологическую аккультурацию и т.п. [Галажинский, 2000; Сокурская, 2006; Толстых, 2012; Пищик, 2011; Попкова, 2005].

Подчеркивается усиление значения человеческой индивидуальности, роли субъективного фактора в развитии и реализации человеком своих сущностных сил, происходящая трансформация способов влияния социума на развитие личности, изменение традиционных механизмов социальной идентификации и т.п. Как следствие приходит понимание того, что, sensitively реагируя на социально-

экономические и ценностно-нормативные изменения, подрастающие поколения приобретают характеристики, по ряду параметров отличающие их от предыдущих поколений.

Все чаще исследователями констатируется, что в условиях постсоциализма сформировалось новое поколение подростков и юношей, которое называют по-разному: первое интернет-поколение, «глобальные дети», «цифровое поколение», «цифровая нация» (digital nation), «сетевое поколение» (net generation), медиапоколение, медиаактивное поколение [Жилавская, 2009; Цимбаленко, 2011], «социокультурно первое поколение, способное к нестандартной биографии» [Сокурская, 2006], «эхо-поколение» (поколение Y, Z), которому присущи ценности сразу нескольких поколений (см., например [Howe, Strauss, 1991]) и т.п.

Эмпирическое исследование

Проблема поколений и, в частности, их отличительных особенностей в условиях быстрых социально-экономических трансформаций в последние десятилетия все чаще становится предметом внимания социологических, культурологических и педагогических исследований западных и отечественных ученых.

Однако, как подчеркивается в [Пищик, 2011], в психологически-предметном плане группы поколений до сих пор остаются на периферии исследовательской практики. Проблема поколений исследовалась преимущественно в пределах изучения взаимовлияния разных поколений, описания разных возрастных когорт в контексте проблем социализации личности [Афанасьева, 1973; Кон, 1988; Левада, 2005; Поляков, 2008; Семенова, 2005; Толстых, 2000]. Большинство исследований в этой области базируются на сравнительном анализе результатов опроса представителей разных поколений. Так, например, в последнее время Н.М.Толстых сравнивала ценности и цели двух поколений современных россиян: московских подростков (16–17 лет) и их родителей (от 37 до 49 лет) [Толстых, 2012], В.И.Пищик на примере представителей советского, переходного и постсоветского поколений исследовала процесс трансформации ментальности [Пищик, 2011] и т.п.

В ряде социологических и психолого-педагогических исследований предпринимаются целенаправленные попытки создания «портрета» нового поколения. Так, западные психологи предлагают социологический портрет «цифрового поколения», который состоит из таких характеристик, как «тотальная» креативность, инновационность (демократичность), информированность, многозадачность, а также проблемных зон – информационная перегруженность, интернет-зависимость, доступ к «опасному» контенту и т.п. [Palfrey, Gasser, 2008]. Несмотря на отдельные попытки описания характеристик современного поколения подростков и юношества [Регуш, 2005; Сокурская, 2006; Фельдштейн, 1999; Цимбаленко, 2011], наблюдается явная необходимость в создании целостного социально-психологического портрета современного отрочества, который на сегодняшний день, несмотря на огромное количество разрозненных эмпирических данных, достаточно фрагментарен, страдает неполнотой и базируется преимущественно на данных самоотчетов.

Методы

Цель исследования состояла в определении комплекса социально-психологических особенностей современного отрочества (12–18 лет) методом фокус-групп, в контексте сравнительного анализа учителями когорты подростков 70–80-х гг. XX века (1960–1975 годов рождения) и поколения подростков начала XXI века (1994–2000 годов рождения).

Испытуемые

Всего в ходе исследования было проведено 14 фокус-групп, в которых приняли участие 245 учителей в возрасте от 26 до 59 лет.

Организация эксперимента

Методическое обеспечение исследования состояло в следующем:

- 1.) сравнивались два поколения одного возраста, то есть две возрастные когорты (cohort);
- 2.) когортный анализ должен был нивелировать классические эффекты возраста (возрастные закономерности) и акцентировать внимание на эффектах времени, которые порождаются широким социально-культурным и историческим контекстом;
- 3.) исследуемыми были не сами подростки, а учителя, которые фактически выступали в качестве экспертов;
- 4.) основным методом были не опросники, а метод фокус-групп.

Задачи и особенности организации работы фокус-групп с учителями

Для решения поставленных задач нами был избран метод фокус-групп (англ. focusgroupinterviews), который можно кратко определить как групповое полустандартизированное интервью, которое проходит в форме серий групповых дискуссий, в ходе которых участников «фокусируют» на вопросах, которые интересуют исследователя, с целью получения от них субъективной информации. Методика проведения выстраивалась в соответствии с [Богомолова, Фоломеева, 1997; Грачева, 2008; Мельникова, 2007]. Как справедливо отмечают Н.М.Богомолова и Т.В.Фоломеева, фокус-группы имеют высокую степень валидности. По их словам, именно в фокус-группе люди максимально искренни, открыты и делятся теми взглядами, которые невозможно получить другими методами [Богомолова, Фоломеева, 1997, с. 68].

В качестве участников фокус-групп в нашем исследовании выступали учителя (большинство из них – классные руководители) разных типов средних общеобразовательных заведений Украины (школы, лицеи, гимназии, интернаты г. Кривого Рога). Состав участников групп носил репрезентативный характер и был стандартизирован по основным социально-демографическим характеристикам: полу, возрасту и опыту работы. Исследование проходило в течение 2012/2013 учебного года во время работы курсов повышения квалификации учителей, психолого-

педагогических и методических семинаров в педагогических коллективах.

Каждая группа получала проблемное задание: на основе сравнительного анализа когорты подростков «эпохи застоя» (70–80-х гг. XX века и поколения подростков начала XX I века, развитие которых происходило в разных социально-экономических условиях, выделить основные тенденции позитивных и негативных психосоциальных (личностных, социально-психологических, межличностных, социально-ролевых, ценностно-смысловых, коммуникативных качеств, навыков, умений, установок, особенностей и т.п.) изменений этой возрастной группы.

Для большинства учителей предложенное задание выступало как проблемное, требовало ретроспективного анализа, актуализации и обобщения собственного педагогического опыта как совокупности знаний, умений и навыков, выработанных в процессе учебно-воспитательной работы, как, по словам К.Д.Ушинского, «большого или меньшего количества фактов воспитания, пережитых воспитателем»...и «мыслей, выведенных из опыта».

Педагогический опыт является уникальным источником развития педагогической, но, к сожалению, в меньшей степени – психологической науки. Метод обобщения результатов наблюдений учителей и их опыта взаимодействия с детьми мало используется в возрастной психологии в силу ряда сложностей, связанных, во-первых, с организационно-методическими особенностями сбора этой информации, и, во-вторых, со своеобразием ее использования в качестве проверки истинности теорий и концепций в психологии. В нашем исследовании педагогический опыт выступал в качестве эмпирического индикатора предположения о психосоциальной специфичности нового поколения молодежи – отрочества XX I века.

Следует подчеркнуть, что основное внимание мы обращали на актуализацию опыта учителей 35–55 лет, которые, во-первых, работали как с подростками 70–80-х гг., так и с современными подростками (непосредственное сравнение); во-вторых, могли сравнивать когорту своих ровесников в подростковом возрасте с современными подростками (автобиографическое сравнение). Практически все группы учителей в процессе дискуссии приходили к осознанию того, что отрочество является той «лакмусовой бумажкой», которая отображает комплекс позитивных и негативных тенденций в трансформации форм общественного и индивидуального сознания, выступает «психологическим индикатором» социокультурной трансформации личности в украинском обществе.

С осознанием этого оказались связаны необычайно продуктивные «побочные продукты» работы фокус-групп, не менее значимые, чем основные результаты. Попытка экстраспекции представлений учителей о современных подростках в условиях работы фокус-групп позволила им определить уровень знания и понимания современного подростка как «другого» сравнительно с предыдущим поколением, осознать и построить в своем воображении «модель» современного отрочества – конструктивного в своей основе, которая требует не только отрицания, «большого отказа», но и наличия позитивной программы его развития.

Вербализация учителями в условиях группового обсуждения собственных взглядов объективно способствовала организации «внутреннего диалога», педагогическим «инсайтам», прояснению смысла собственных установок, ожиданий и критериев оценки современных подростков, актуализации своего ценностно-смыслового отношения к ним, активизации совокупности рефлексивных, перцептивных, аналитических, креативных и других характеристик педагогического опыта, его структуризации и т.п.

После обсуждения в мини-группах участники фиксировали результаты в отчете, который был основой дальнейшей групповой дискуссии. Ответы участников обрабатывались методом стандартной процедуры семантического анализа (функционально-смыслового анализа устных высказываний, контент-анализа групповых письменных отчетов и т.д.). Было получено 1064 ответа учителей (584 позитивных и 480 негативных характеристик). В результате классификации содержания ответов в соответствии с их значениями и характером был сформирован перечень из 14 категорий: семь ключевых категорий позитивной направленности и семь – негативной. Определено их содержание (единицы анализа) и частота упоминания в процентах от общего объема озвученных характеристик (таблица 1).

Результаты и обсуждение

Симптомокомплекс позитивных социально-психологических характеристик современного отрочества

Среди перечня качественно новых позитивных характеристик современного подростка сравнительно с подростками 70–80 гг. наибольший вес имеют категории «Психосоциальная активность» (19% от общего количества ответов учителей) и «Сила Я» (17%), в которых прослеживаются присущие современному отрочеству субъектность, стремление к самовыражению, самоутверждению, самореализации, самообразованию, к поиску собственных решений коммуникативных, ценностно-смысловых, учебных и других разноплановых задач, автономия, отсутствие слепого подражания и поклонения авторитетам, критичность мышления и личностно-субъектный ресурс, который обеспечивает эти процессы (самодостаточность, самоуверенность, отсутствие комплексов, раскованность, самостоятельность, оптимизм и т.п.). Перечень этих характеристик доказывает, что в онтологическом плане нарастающая изменчивость социального мира закономерно усиливает субъектный вектор современного отрочества, которое превращается в действенный элемент процесса конструирования социальной реальности.

Большинство подростков, по мнению учителей, ориентированы сегодня на критерии, которые традиционно рассматривались как индивидуалистические: поиск путей самореализации, стремление к благополучию, самостоятельность взглядов, получение от жизни «своего». Отрочество XX века характеризуется учителями как более индивидуализированное в плане социальной направленности, для него более характерны нетипичные мотивационные образования. Если подросток 70-х и 80-х годов осознавал себя прежде всего как часть общества и ставил интересы коллектива

(группы) выше собственных, то для современного подростка главной ценностью является он сам, и поэтому в мотивации общения, учения и любой другой деятельности на первом месте оказывается ориентация на себя, стремление к самоутверждению и самореализации, то есть тот тип социального характера, который Д.Рисмен назвал «ориентированный-на-себя».

Значимыми в оценках учителей являются социально-психологические характеристики подростков, которые позволяют им эффективно реализовывать социальное взаимодействие (категория «Социально-психологическая компетентность» – 16%). С одной стороны, они, на наш взгляд, предопределены общей спецификой подросткового возраста и его ведущей деятельностью (общение), с другой – свидетельствуют о новых возрастных тенденциях: стремление к коммуникативной инициативе-лидерству, усиление способности осмысленно влиять на социальное (в том числе семейное) окружение, получать желаемое (в том числе манипулятивно) в соответствии с собственными целями, презентовать себя, инициировать процессы разнохарактерной коммуникации и взаимодействия с представителями других аут-групп как носителей существенно разных ценностей, приоритетов, возможностей, избирать адаптационные и другие тактики нерегламентированного социального взаимодействия в условиях интернет-пространства (соцсетей) и т.п. Подросток, таким образом, выступает в качестве более активного (сравнительно подростком 70–80-х гг.) субъекта организации собственной социокультурной среды развития, более активно «социализирует людей», которые его окружают, пытаясь таким образом сконструировать удобный и приятный для себя мир [Винникот, 2004].

Новые характеристики самосознания (категория «Аполитичность и свобода выбора» – 11%) свидетельствуют о том, что новое поколение подростков, с одной стороны, является аполитичным, деидеологизированным, и с другой – оно является носителем новых демократических ценностей и реформаторских мировоззренческих убеждений. Они имеют значительную свободу в выборе и поиске идентичности, связанную с отсутствием идеологического давления, низким уровнем контроля взрослыми (родителями) правил и норм поведения, взглядов, проведения свободного времени, внешности и т.п.

Категории «Эрудированность, информированность, креативность» (14%), «Владение информационными и интернет-технологиями» (9%) отображают характерную для нового «цифрового поколения» систему новых навыков и когнитивных характеристик: умение искать и обрабатывать большой объем информации, ее избирательное восприятие, скорость овладения информационными технологиями, мобильность, умение быстро генерировать идеи, креативное мышление. Большой поток информации стимулирует интеллектуальное, аффективное и психосоциальное развитие отрочества. В этих условиях изменяется общий тип мышления нового поколения, которое сегодня все чаще характеризуют как «клиповое», аннотационное, воспринимающее информацию, которая является сжатой, емкой по форме и содержанию, практико-ориентированной, функциональной.

Более выраженными становятся прагматизм в отношении к учебе и общению,

усиление избирательного отношения к знаниям, ориентация на узкую специализацию, рациональность в выборе интересов, занятий, учебных предметов, склонность к практическому отделению нужного (полезного) от «лишнего» (не связанного непосредственно с целью), появление «коммерческого сознания», гибкость, толерантность к неопределенности, легкость приспособления к изменениям социальной микро- и макросреды (категория «Прагматизм. Адаптивность» – 14%).

В целом в симптомокомплексе позитивных характеристик, выделенных учителями, личность современного подростка выступает как меняющаяся, динамическая система, которая постоянно конструирует свой внутренний мир и мир своего социального взаимодействия, стремится выйти «за пределы» своего индивидуального «Я». Четко выраженными являются усиление субъектности, личностной автономии, стремление к самореализации, активный поиск средств творческого самовыражения, самостоятельность, ориентация на индивидуалистические ценности, снижение уровня конформизма, уменьшение масштабов социальных идентификаций, нивелирование сферы морально-этических отношений, прагматичная направленность, инициативность. Все это подтверждает данные социологических исследований последних лет, в которых новое поколение характеризуется стремлением проявить свою индивидуальность, отрицанием традиционных ценностей-норм и приверженностью основным принципам рыночных отношений.

С той или иной мерой детализации этот вывод был «инсайтным» итогом работы всех фокус-групп. Как справедливо обобщила одна из участниц, «без воспитания духовности мы будем иметь поколение "монстров" – карьеристов, прагматиков и индивидуалистов». По этому поводу есть смысл вспомнить, что индивидуализм, который сыграл значительную роль в формировании современного западного общества, сегодня уже исчерпал себя, поэтому его дальнейшее развитие перерастает в эгоизм и самовлюбленность, приводит к нигилизму и моральному релятивизму [Афанасьев, 1999], характерному для современного кризиса.

Симптомокомплекс негативных социально-психологических характеристик современного отрочества

Среди категорий, которые отображают новые негативные характеристики современного отрочества, на первом месте (20% от общего количества ответов) находится категория «Бездуховность, негативные ценностные трансформации». Ее содержание отображает присущие современному отрочеству моральный и духовный нигилизм, культ денег и материальных ценностей, меркантильность, потребительский образ жизни, обесценивание моральных ценностей (совести, доброты, честности) и пренебрежительное отношение к нормам морали, распущенность, вседозволенность, интолерантность, отсутствие идеалов и патриотизма. Учителя связывают эти деформации с такими социальными факторами, как вариативность новых способов понимания и трактовки жизни, права и морали, расширение возможностей (но и искушений) социальной жизни, которые допускают относительность и плюрализм, девальвация духовных ценностей и норм предыдущих поколений, которая усложняет их передачу подросткам.

На втором месте по объему – категория «Негативные психосоциальные качества» (13%), содержанием которой является комплекс таких характеристик современных подростков, как невоспитанность, нигилизм, цинизм, низкая правовая культура, развязность, жестокость, грубость, безразличие, агрессивность, эгоистичность, эгоцентризм, самовлюбленность, излишняя раскованность, бесосновательная самоуверенность, завышенная самооценка, упрямство, лень, неумение слушать других, отсутствие толерантности, категоричность.

Эти характеристики дополняет содержание категории «Пассивность и инфантильность» (9%), в частности, такие качества современных подростков, как безответственность, безынициативность, отсутствие жизненных целей и целеустремленности, сложности в выборе жизненного пути, пассивность в учебе и жизни, отсутствие мотивации саморазвития и желания работать над собой, неуверенность в будущем, склонность к негативному внешнему влиянию, инфантильность, желание иметь много, не прилагая усилий, отстаивание своих прав без признания обязанностей и т.п.

Современного подростка сравнительно с 70–80-ми гг., по мнению учителей, характеризует пренебрежение к знаниям, снижение их значимости, ценности и качества, низкая мотивация обучения, отсутствие интереса к техническим наукам, значительно меньшая заинтересованность литературой, нежелание читать и ограниченный словарный запас, потребительское отношение к знаниям (категория «Низкая мотивация обучения» – 13%).

В категории «Эмоциональная неуравновешенность» (15% ответов), по нашему мнению, воплощены традиционные эмоционально-поведенческие проблемы подросткового возраста, вероятно, усиленные спецификой кризисного состояния общества. Учителя, однако, считают, что эмоциональные проблемы являются существенной особенностью современного подростка, которая отличает его от подростков 70–80-х гг. Это образ значительно более импульсивного, эмоционально несдержанного, невнимательного подростка с неустойчивой психикой и низким контролем над эмоциями. Он уязвим, обидчив, тревожен, замкнут, склонен к суициду и т.п.

Его отношения с родителями, учителями и другими взрослыми в целом характеризуются уменьшением субординации, большей раскованностью, нигилистическим отношением к опыту старших поколений, снижением значимости личности учителя и авторитета родителей, уменьшением влияния взрослых (семьи), склонностью манипулировать близкими (родителями) (категория «Изменения в отношениях со взрослыми (родителями, учителями)» – 8%). Скорее всего, эти тенденции обусловлены трансформациями межпоколенческих взаимодействий, нивелированием межпоколенческой преемственности, усилением внутренне поколенческого заимствования (как правило, элементов субкультур западных стран), потерей взрослым функции основного носителя ценностей, образцов поведения и социальных норм. Подростки имеют доступ к абсолютно разным (преимущественно отличающимся от родительских) образцам поведения, что способствует усвоению

ценностей и социальных норм не только в непосредственных контактах с миром взрослых, но и в пределах свободной информации, которая поступает с экранов телевизора, интернет-страниц, каналов масс-медиа, веб-сайтов, молодежных журналов и т.п.

Категория «Аддикции. Ранний сексуальный опыт. Слабое здоровье» состоит из трех относительно самостоятельных компонентов (соответственно 10%, 7%, 5%, в целом – 22%), которые не являются сугубо психологическими, хотя и презентуют важные психосоциальные изменения в социальной ситуации развития современного отрочества. Это распространение аддиктивных форм поведения (фармакологических и субстанциональных зависимостей): компьютерной, игровой (включая и компьютерные игры), алкогольной, табачной, сексуальной, суицидальной. По мнению учителей, современное отрочество все больше характеризует погружение в интернет-пространство (интернет-зависимость), увеличение времени виртуального общения в социальных сетях (сравнительно с непосредственным, межличностным общением), негативное влияние виртуальной субкультуры, неконтролируемый доступ к разным видам информации, массовое распространение вредных привычек (курение, пивной алкоголизм) и ненормативной лексики, сексуальная акселерация и раскованность, более раннее начало половой жизни, слабое здоровье (сниженный иммунитет, недостаток двигательной активности, неудовлетворительное физическое состояние).

В целом симптомокомплекс негативных характеристик современных подростков показывает, что они (сравнительно с подростками «эпохи застоя») являются более социально пассивными и инфантильными. Стремления к независимости, усиления конфликтности отношений со взрослыми, склонности к девиантным (а тем более делинквентным) поступкам в большинстве фокус-групп не выявлено. При этом зафиксирован факт нежелания самостоятельности, тенденция к беззаботному комфортному существованию, нивелирование духовно-моральных стремлений на фоне приоритета материального над духовным, отсутствие идеалов, образцов для подражания, героев и норм, эгоцентризм, экстернальность, отсутствие жизненных целей, мотивации саморазвития, нежелание учиться, поиск путей ухода от реальности (разнообразные аддикции), дискодантность в поведении, которые в целом отображают инфантильность, незрелость личностно-эмоциональной сферы и психологическую неготовность к переходу во взрослое состояние.

Надо отметить, что ответов, связанных с изменениями в классических возрастных особенностях подросткового возраста (возникновение чувства взрослости, подростковое стремление к эмансипации, признаки подросткового кризиса и т.п.), также не было зафиксировано, что имплицитно может свидетельствовать об их независимости от изменяющихся социально-экономических условий. Но, сравнительно с 70–80-ми годами, некоторые устоявшиеся возрастные характеристики отрочества приобрели несколько иное содержание (например, характерная для подростков эмоциональная неуравновешенность достигает уровня угрозы суицида, стремление к самоутверждению и общение с ровесниками приобретают качественно новые формы и т.п.).

Вариативность способов развития и путей взросления современного отрочества

Сравнительный анализ содержания категорий позитивной и негативной направленности показал, что большинство из них являются альтернативными, содержательно противостоят друг другу, что позволяет объединить их в семь «оппозиций» (таблица 1).

Например, в первой «оппозиции» категорий (N1), с одной стороны, зафиксирована характерная для современного отрочества жизненная активность, субъектность, автономность, стремление к самовыражению, самоутверждению (категория «Психосоциальная активность»), с другой – экстернальность, отсутствие мотивации саморазвития, личностная незрелость, инфантильность, отсутствие жизненных целей, социальная пассивность, стремление к «легкой» жизни без обязанностей, зависимость, склонность к влиянию извне (категория «Пассивность и инфантильность»). Так же обстоит ситуация и с содержанием остальных шести пар категорий.

Таблица 1
Семь пар содержательно «оппозиционных» категорий (их процент от общего объема информации)

Категории позитивной направленности	%	N	Категории негативной направленности
Психосоциальная активность	9	1	Пассивность и инфантильность
Прагматизм. Адаптивность	14	2	Бездуховность, негативные ценности, трансформации
Сила Я	17	3	Эмоциональная неуравновешенность
Социально-психологическая компетентность	16	4	Негативные психосоциальные категории
Эрудированность, информированность, креативность	14	5	Низкая мотивация обучения
Владение информационными технологиями	9	6	Аддикции. Ранний сексуальный опыт. Слабое здоровье
Аполитичность и свобода выбора	11	7	Изменения в отношениях со взрослыми (родителями, учителями)

Можно допустить, что это связано с возрастными закономерностями, поскольку в этот период происходит становление самосознания подростка, которое сопровождается рядом психосоциальных противоречий. С точки зрения этих закономерностей полученный результат действительно можно интерпретировать в контексте причинно-следственных зависимостей: прагматизм формирует культ материальных ценностей и потребительский образ жизни («оппозиция» категорий N2); эмоциональная неуравновешенность и неустойчивая самооценка приводят к демонстрации самодостаточности и самоуверенности (N3); коммуникативная компетентность приводит к безосновательной самоуверенности, развязности, упрямству (N4); информированность снижает мотивацию обучения (N5); владение

информационными технологиями связано с возникновением аддикций (N6); деидеологизация и увеличение роли демократических форм воспитания уменьшает влияние взрослых (N7).

Однако такое объяснение кажется как минимум неполным, поскольку, во-первых, причинно-следственные зависимости, как известно, представляют только один из типов детерминации. Во-вторых, увеличение значения самодетерминации (роли внутренних условий, например, Я-концепции, индивидуального опыта и т.п.) в период отрочества приводит к увеличению вариативности, пластичности, индивидуализации развития (его содержания, темпов, структуры). Поэтому можно говорить только об ориентировочных возрастных критериях нормативности и о закономерностях процесса взросления с выраженными индивидуальными вариациями. Тем более что субъективное понимание нормативности процесса взросления в условиях социальных трансформаций приобретает автономный статус и перестает совпадать с «предписанной нормой» в связи с существенными изменениями ценностных ориентаций, ценностно-нормативных предписаний, мировоззренческих установок и т.п.

Поэтому «оппозиционность» выделенных характеристик может быть интерпретирована иным образом: как гносеологический результат диалектического, «множественного видения» образа современного подростка взрослым (учителем) и как онтология бытия – реального существования разных путей (типов, стратегий) жизненного самоосуществления в этот период.

Период отрочества (взросление) можно рассматривать как составляющую типичного для каждой личности, целостного, единственного на протяжении всего времени жизни способа развития [Абульханова-Славская, 1983], поэтому он может иметь прогрессивный или регрессивный характер, может осуществляться гармонично или противоречиво, может быть интенсивным или экстенсивным, более индивидуализированным или типичным.

Совокупность позитивных – негативных характеристик отрочества можно с этой позиции интерпретировать как вариативность способов психосоциального развития и типов взросления в современном обществе. Иными словами, современный подросток является разным не только в плане многообразия индивидуально-психологических особенностей, но и в плане сущностных системообразующих принципов, на основе которых происходит его взросление в целом.

Симптомокомплексы позитивных – негативных характеристик можно рассматривать в качестве крайних полюсов континуума «продуктивное – непродуктивное» психосоциальное развитие, между которыми находится чрезвычайно разнообразная картина его индивидуальных вариантов как совокупности характеристик самосознания, ценностно-мотивационных установок, отношения к себе, миру, людям, способов конструирования идентичности и разных «Я»-структур, направлений и механизмов личностного развития в этот период.

Обобщая результаты работы фокус-групп, можно (с известной долей условности)

дифференцировать и описать крайние варианты этого континуума как психотипы процесса взросления подростков в современном украинском обществе:

1) подростки первого типа успешно реализуют свой личностный потенциал, адаптированы к социальным и возрастным изменениям, имеют высокий для своего возраста уровень субъектной активности, целеустремленные, автономные, самоуверенные, эгоцентрические, прагматичные, эрудированные, информированные, компетентны в использовании современных информационных технологий, проявляют гибкость при реализации собственных ценностей в поведении, социальную лабильность, стремятся самостоятельно принимать решение, имеют стойкую Я-концепцию, стремление к лидерству, потребность в достижениях, высокий уровень карьерной ориентации, ориентации на себя и в целом – престижно-прагматичных ориентаций в составе жизненных перспектив, готовность к разным (в том числе манипулятивным) способам взаимодействия и влияния в разных социальных группах и ситуациях;

2) подростки второго типа переживают сложности социально-психологической адаптации, эмоциональную неуравновешенность, неверие в себя, конформность, зависимость, отчуждение, у них низкий уровень социального контроля и субъектной активности. Для них характерны проблемы самоопределения, диффузная идентичность, склонность к иллюзорно-компенсаторному способу решения личных проблем (аддикции), ранний сексуальный опыт, культ материальных ценностей, духовный нигилизм, преобладание мотивов собственного благополучия над общественными мотивами, стремление удовлетворять прежде всего личные интересы, потребительский образ жизни, низкий уровень культуры поведения, безразличие к окружающим, экстернальный локус контроля, отсутствие мотивации саморазвития и стремления реализовать свой личный потенциал, тенденции личного маргинализма, отсутствие духовно-моральных ориентаций в составе жизненных перспектив.

Вариативно-типологический подход к пониманию содержания взросления может способствовать более эффективному прогнозированию вариантов проблемного развития, выявлению основных тенденций дезадаптации подростков в пространстве культуры и организации дифференцированной психопрофилактической и коррекционной работы.

Выводы

По результатам настоящего исследования можно сделать следующие выводы.

1. В результате сравнительного анализа двух когорт подростков выявлены социально-психологические характеристики (ценностные ориентации, мировоззренческие установки, субъектные и коммуникативные характеристики, особенности общения с ровесниками и взрослыми, социальные навыки и т.п.), по которым пролегает «водораздел» между подростками 70–80-х гг. и современным отрочеством. Их совокупность позволяет говорить о феномене «психосоциальной акселерации»

современных подростков и появлении нового типа отрочества, который интенсивно складывается в XX столетии на наших глазах.

2. Полученные результаты показывают, что выявленные характеристики (усиление индивидуализма, престижно-прагматичных, рыночных ориентаций, нивелирование сферы морально-этических отношений, жизненная активность, целеустремленность, творчество и другие важнейшие характеристики субъектности) могут быть как жизнеутверждающими, «экологичными», так и агрессивными, разрушающими. Современный подросток взрослеет в соответствии с принимаемыми и исповедуемыми им жизненными ценностями и в этом процессе потенциально «наполняет» свое настоящее и, что особенно важно, свое будущее духовностью (гуманностью) или бездуховностью (негуманностью) личностных целей и смыслов. Это лишний раз показывает, как много зависит от того, что является реальной (а не только декларированной) целью образования (развитие субъекта или личности, обучение или воспитание), какие воспитательные цели и задачи реализует взрослое сообщество относительно отрочества, как они учитывают быстрые изменения в психологии новых поколений и т.д.

3. Современное отрочество является субъектом не только образовательного процесса, но и детерминантой ценностно-нормативных изменений в культуре. Оно «с опережением» начинает жить и действовать как активный субъект культурно-исторического действия и коллективного интеллекта, например, предлагает отличающиеся от общепринятых формы поведения, навыки, образы мира, нормы, ценности, представления. По отношению ко многим сферам жизни (например, новым технологическим приобретениям человечества, проблемам глобализации, аккультурации и т.п.) подростки ставят проблемы, которые требуют постоянного осмысления учителями (взрослыми) и в значительной степени определяют направления и содержание их педагогической деятельности. Влияние современного отрочества на взрослых и культуру в целом является, таким образом, не только потенциальной возможностью, но и реальностью актуальных взносов нового медиапоколения в историческое развитие того социокультурного целого (этноса, общественно-информационного пространства и т.д.), к которому они принадлежат.

Литература

Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности. Психологический журнал, 1983, 4(1), 14–29.

Афанасьев Ю.Н. Западная рационалистическая традиция. Понятие «гуманитарность». Русская университетская традиция. М.: Рос. гос. гуманитар. университет, 1999.

Афанасьева А.Н. Исторический процесс и смена поколений. В кн.: Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973, 20–24.

Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М.: Магистр, 1997.

Винникот Д. Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: ЛИТУР, 2004.

Галажинский Э.В. Самореализация личности как психоисторическая проблема. В кн.: Е.Ф. Рыбалко, Л.А. Коростылева (Ред.), Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. Вып. 4, 87–100.

Грачева И.Г. Фокус-групповая дискуссия: проблема повышения эффективности. Проблемы социальной психологии личности, 2008. http://psyjournals.ru/sgu/socialpsy/issue/30323_full.shtml.

Жилавская И.В. Медиаобразование молодежной аудитории. Томск: ТИИТ, 2009.

Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988.

Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования. В кн.: Ю.А. Левада, Т. Шанин (Ред.), Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Мельникова О.Т. Фокус-группы: методы, методология, моделирование. М.: Аспект Пресс, 2007.

Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ. Социальная психология и общество, 2011, No. 2, 80–88.

Поляков С.Д. Современный отечественный подросток и социокультурная ситуация развития (опыт пилотажных исследований). Мир психологии. 2008, No. 3, 142–149.

Попкова Н.В. Человек в техногенном мире: творец или творение? Мир психологии, 2005, No. 4, 216–226.

Регуш Л.А. (Ред.). Психология современного подростка. СПб.: Речь, 2005.

Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. В кн.: Ю.А. Левада, Т. Шанин (Ред.), Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Сокурская Л.Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. Харьков: Харьк. нац. университет, 2006.

Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: Алетейя, 2000.

Толстых Н.Н. Подростки и их родители: что ценят и чего хотят сегодня? Психологическая наука и образование, 2012, No. 4, 70–78.

Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. М.: Моск. псих.-соц.

институт, 1999.

Цымбаленко С.Б. Подрастающее поколение в информационно-психологическом пространстве общества (психолого-педагогические и акмеологические проблемы и перспективы). М.: Международная академия акмеологических наук, 2011.

Palfrey J., Gasser U. Born digital: Understanding the first generation of digital natives. New York: Basic Books, 2008.

Howe N., Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: Perennial, 1991.

Поступила в редакцию 23 октября 2013 г. Дата публикации: 26 июня 2014 г.

[Сведения об авторе](#)

Шамне Анжелика Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент, докторант, Институт психологии имени Г.С.Костюка, Национальная Академия педагогических наук Украины, ул. Паньковская, д. 2, 01033 Киев, Украина.
E-mail: Shamne@ukr.net

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Шамне А.В. Социально-психологические особенности современного отрочества (по итогам проведения фокус-групп с учителями). Психологические исследования, 2014, 7(35), 9. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Шамне А.В. Социально-психологические особенности современного отрочества (по итогам проведения фокус-групп с учителями) // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 35. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). [Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/997-shamne35.html>

[К началу страницы >>](#)